

Эмпирическая верификация мультигрупповой модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Белоруссии, Казахстана и России*

Н. В. Муращенко

кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, ncel@yandex.ru

Представлены результаты тестирования двух мультигрупповых моделей связи эмиграционных намерений и их психологических предикторов как элементов соответствующего социально-психологического пространства у студентов трех стран на основе данных, собранных в 2021 г., в период пандемии COVID-19. Обнаружены общекультурные и культурно-специфические связи. Универсальными предикторами эмиграционной активности у белорусов, казахстанцев и россиян являются низкая удовлетворенность жизнью и слабая эмоциональная привязанность к стране проживания. Культурно-специфическими предикторами эмиграционных намерений у российской студенческой молодежи выступают низкий уровень воспринимаемой безопасности в стране проживания и слабая эмоциональная привязанность к месту проживания. Влияние пандемии на эмиграционную активность студенческой молодежи трех стран не выявлено.

Ключевые слова: планируемое эмиграционное поведение, эмиграционное намерение, социально-психологическое пространство эмиграционного намерения, студенческая молодежь, пандемия COVID-19, мультигрупповой анализ, кросс-культурный анализ.

Эмиграция молодежи — это повсеместное явление, характерное для всех стран мира. Эмиграция определяется в науке как «выезд из одной страны в другую на постоянное (иногда на неопределенно длительное время) проживание, как правило, с изменением гражданства» (Юдина, 2007, с. 332). При этом эксперты чаще всего сходятся во мнении относительно того, что эмиграция молодежи из страны на постоянное место жительства за границу (особенно молодежи образованной) — это явление негативное, влияющее на демографическую ситуацию в стране, ее социально-экономическую безопасность, динамику развития и социальный оптимизм общества (Байков и др., 2018). Добровольный переезд за границу выбирают, как правило, те, кто не только материально, но и психологически к нему готов/предрасположен (Муращенко, 2021б).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-013-00156.

Анализ социально-психологического пространства эмиграционных намерений российской молодежи важен как для понимания психологических движущих сил/ресурсов эмиграционного поведения, так и для анализа его последствий: понимание психологических характеристик потенциальных/реальных эмигрантов дает возможность моделировать вероятные изменения в стране исхода при потере определенной категории граждан в результате их переезда. И наиболее продуктивным в данном случае является социокультурный подход, позволяющий провести сравнительный анализ изучаемых феноменов и взаимосвязей у представителей разных культурных групп.

Целью данного исследования стал кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи. Осуществлена интеграция двух концепций: теории планируемого поведения А. Айзена (Ajzen, 1991) и концепции социально-психологического пространства А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко (Журавлев, Купрейченко, 2012). Разработана авторская теоретическая модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений современной молодежи, сформулированы гипотезы исследования (см.: Мурашенкова и др., 2021в). В данной работе представлена часть результатов эмпирической проверки модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран, для которых эмиграционное поведение молодежи выступает актуальной проблемой, требующей решения (см.: Мурашенкова и др., 2021в).

В исследовании приняли участие студенты вузов – граждане Белоруссии (средний возраст – 20 лет; SD=1,9; 75% женщин), Казахстана (21 год; SD=1,9; 74% женщин) и России (20 лет; SD=1,5; 75% женщин) в возрасте 18–25 лет. Сбор данных осуществлялся в ходе анонимного онлайн-опроса с января по апрель 2021 г. Анкета была размещена на платформе anketolog.ru, ссылка на нее распространялась среди студентов вузов Белоруссии, Казахстана и России с помощью преподавателей университетов трех стран. Сбор данных проходил в условиях пандемии COVID-19 на фоне роста числа зараженных и погибших от коронавируса во всех трех исследуемых странах, согласно данным еженедельных эпидемиологических сводок Всемирной организации здравоохранения.

Методический исследовательский инструментарий: авторский опросник «Планируемое эмиграционное поведение» (Мурашенкова и др., 2023), сокращенная версия «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца («PVQ-21 – ESS»), сокращенный вариант методики «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда (для оценки выраженности профессиональной идентичности на основе контент-анализа представленности профессиональных ролей в характеристиках настоящего «Я» респондентов), «Методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности» А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, опросник «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. Мак-Фарленда в адаптации Т. А. Нестика (для оценки гражданской и глобальной идентичностей), Шкала Э. Динера «Удовлетворенность жизнью», валидизированная на русскоязычной выборке Д. А. Леонтьевым и Е. Н. Осиним, вопросы из Анкеты Европейского социального исследования – 2016 (для оценки воспринимаемой безопасности и воспринимаемой дискриминации в стране проживания, а также

выраженности эмоциональных привязанностей к стране, месту проживания, родителям и друзьям), Шкала страха COVID-19 (FCV-19S), апробированная на русскоязычной выборке А. Резником с коллегами, разработанные вопросы для оценки объективной дистанции с COVID-19 и воспринимаемой респондентами поддержки от значимых других за границей. Проводилось мультигрупповое моделирование структурными уравнениями (MGSEM) с использованием программы IBM SPSS Amos v. 23.

Для эмпирической проверки теоретической модели социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран, в соответствии с гипотезой исследования (см.: Муращенкова и др., 2021в), была построена и протестирована общая мультигрупповая модель. Зависимой переменной в модели выступило эмиграционное намерение, а предикторами – ценности Сохранения, Самоутверждения, Самопреодоления, Открытости изменениям; выраженность профессиональной идентичности; когнитивные и эмоциональные компоненты этнической, гражданской и глобальной идентичностей; эмоциональные привязанности к своей стране, месту проживания, родителям и друзьям; удовлетворенность жизнью; воспринимаемая дискриминация; воспринимаемая безопасность; страх перед COVID-19 и объективная дистанция с заболеванием; воспринимаемая поддержка от значимых других за пределами страны проживания. Модель продемонстрировала неудовлетворительные показатели согласия: $\chi^2=2238,705$; $df=636$; $p=0,000$; CFI=0,629; RMSEA=0,062; PCLOSE=0,000. В связи с этим было принято решение анализировать систему социально-психологических предикторов эмиграционных намерений молодежи блоками, проводя проверку инвариантности отдельных мультигрупповых моделей. Это позволило избежать проблемы мультиколлениарности переменных и рассмотреть феноменологически близкие психологические конструкторы-предикторы в качестве составляющих различных моделей. С результатами тестирования мультигрупповой модели связи эмиграционного намерения с когнитивными и эмоциональными компонентами этнической, гражданской и глобальной идентичностей у студентов трех стран можно ознакомиться в журнале «Культурно-историческая психология» (Муращенкова и др., 2022). Мультигрупповая модель планируемого эмиграционного поведения, построенная в рамках теории А. Айзена и отражающая структуру авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение», представлена в Психологическом журнале (Муращенкова и др., 2023). В данной работе отражены результаты тестирования двух мультигрупповых моделей, не опубликованные ранее.

Первая мультигрупповая модель включает такие элементы социально-психологического пространства эмиграционных намерений (зависимая переменная) студенческой молодежи Белоруссии, Казахстана и России, как удовлетворенность жизнью, профессиональная идентичность, ценности Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления (предикторы). Удовлетворенность жизнью выступает рефлексивно-оценочным компонентом, когнитивной составляющей субъективного благополучия личности, а также субъективным индикатором качества жизни. Существует немало исследований, подтверждающих значимую связь индивидуальных ценностей

и субъективного благополучия молодежи в различных социокультурных контекстах. При этом особый вклад в субъективное благополучие вносит конгруэнтность индивидуальных ценностей ценностям референтной группы. То есть с точки зрения субъективного благополучия особенно важным является то, как индивидуальные ценности молодежи вписываются в существующий социальный контекст. Наряду с этим в отдельных исследованиях подчеркивается, что у студентов, получающих различные профессии, связи между ценностями и субъективным благополучием имеют различия, что может быть объяснено в том числе совместимостью/несовместимостью индивидуальных ценностей и ценностей, значимых с точки зрения получаемой профессии. При этом известно, что социальная идентичность, предполагающая выраженное ощущение себя частью какой-либо группы, является ключевым фактором субъективного благополучия, которое повышается в результате включенности в жизнь этой группы и качества групповой социальной поддержки. А если мы говорим о студенческой молодежи, то такой значимой группой выступает сообщество обучающихся и профессиональное сообщество, соответствующее получаемой студентами специальности. Подтверждаемая научными работами значимость взаимосвязей между индивидуальными ценностями, профессиональной идентичностью и удовлетворенностью жизнью у студенческой молодежи, в сочетании с той ролью, которую играют данные факторы в формировании эмиграционной активности (Муращенкова, 2021б), стимулировали включение этих предикторов в единую модель с целью оценки их вклада в процесс формирования эмиграционных намерений у студенческой молодежи трех стран. Мультигрупповая модель продемонстрировала приемлемые статистики согласия: $\chi^2=316,492$; $df=141$; $p=0,000$; $CFI=0,949$; $RMSEA=0,044$; $PCLOSE=0,950$ (конфигурационная модель инвариантности); $\chi^2=385,061$; $df=175$; $p=0,000$; $CFI=0,940$; $RMSEA=0,043$; $PCLOSE=0,980$ (метрическая модель инвариантности). Наличие конфигурационной и метрической инвариантности (ΔCFA не превысила 0,01) позволило провести сравнение регрессионных связей в выборках исследуемых стран. Согласно значениям коэффициентов детерминации, включенные в модель предикторы внесли наибольший вклад в формирование эмиграционного намерения у белорусских ($R^2=0,19$) и казахстанских ($R^2=0,26$) студентов, чем у студентов-россиян ($R^2=0,05$). Не было обнаружено статистически значимой связи между эмиграционным намерением и выраженностью профессиональной идентичности, но значимым предиктором эмиграционной активности у студентов Беларуси ($\beta=-0,23$, $p<0,001$), Казахстана ($\beta=-0,25$, $p<0,001$) и России ($\beta=-0,14$, $p<0,05$) выступила низкая удовлетворенность жизнью. При этом белорусские студенты с выраженными эмиграционными намерениями продемонстрировали низкий уровень удовлетворенности жизнью в сочетании с отрицанием значимости ценностей Сохранения ($\beta=-0,33$, $p<0,001$), а казахстанские – в сочетании с отрицанием значимости ценностей Сохранения ($\beta=-0,37$, $p<0,001$) и высоким приоритетом ценностей Открытости изменениям ($\beta=0,21$, $p<0,01$) и Самоутверждения ($\beta=0,16$, $p<0,05$). Можно предположить, что эти результаты являются отражением низкого уровня ценностного консенсуса (т. е. выраженного различия между индивидуальными и групповыми ценностными приоритетами) (Руднев, Магун, 2011) у студенческой молодежи Белоруссии

и Казахстана, ориентированной на переезд за рубеж. При этом у российских студентов взаимосвязей между ценностями и эмиграционными намерениями не обнаружено, что может быть объяснено особенностями российской выборки. Социологи отмечают, что Россия является страной с низким межличудивидуальным ценностным консенсусом по значительному числу базовых ценностей — особенно по оси Открытости изменениям — Сохранение (там же). Выборку россиян представили респонденты из 6 регионов страны с различными уровнями социально-экономического развития, условиями жизни и, вероятно, ценностными приоритетами. Возможно, именно в связи с этим не зафиксировано статистически значимых связей эмиграционной активности с ценностями у российской молодежи. Данную логику объяснения подтверждает тот факт, что при изучении взаимосвязи ценностей и эмиграционных намерений в условиях *одного* российского региона в 2020 г. статистически значимые связи между этими переменными были выявлены (Муращенкова, 2021a).

Вторая мультигрупповая модель, в качестве предикторов включает элементы, отражающие эмоциональный аспект социально-психологической обусловленности эмиграционного намерения молодежи (зависимая переменная) с учетом социально-исторического контекста периода сбора данных (пандемия COVID-19): эмоциональные привязанности к стране, месту жительства, родителям и друзьям, воспринимаемая поддержка значимых других за границей, воспринимаемая дискриминация, воспринимаемая безопасность, страх перед COVID-19 и дистанция с этим заболеванием. Мультигрупповая модель продемонстрировала приемлемые статистики согласия: $\chi^2=446,970$; $df=243$; $p=0,000$; CFI=0,944; RMSEA=0,036; PCLOSE=1,000 (конфигурационная модель инвариантности); $\chi^2=516,561$; $df=283$; $p=0,000$; CFI=0,936; RMSEA=0,035; PCLOSE=1,000 (метрическая модель инвариантности). Как и в случае с первой моделью, присутствие конфигурационной и метрической инвариантности (ΔCFA не превысила 0,01) позволило провести сравнение регрессионных связей в выборках трех стран. Согласно значениям коэффициентов детерминации, включенные в модель предикторы внесли наибольший вклад в формирование эмиграционного намерения у белорусских ($R^2=0,39$) и казахстанских ($R^2=0,34$) студентов, чем у студентов-россиян ($R^2=0,18$). В то же время у российской молодежи зафиксирована хоть и статистически значимая, но наиболее слабая отрицательная связь между эмоциональной привязанностью к стране и эмиграционным намерением ($\beta=-0,13$, $p<0,05$), в сравнении со студентами из Беларуси ($\beta=-0,52$, $p<0,001$) и Казахстана ($\beta=-0,48$, $p<0,001$). Наибольшую роль в формировании эмиграционной активности фактор низкой эмоциональной привязанности к стране сыграл у белорусской молодежи и был подкреплен выраженной воспринимаемой дискриминацией ($\beta=0,20$, $p<0,01$) и низкой эмоциональной привязанностью к родителям ($\beta=-0,15$, $p<0,05$). У казахстанских и российских студентов воспринимаемая дискриминация и привязанность к родителям не выступили значимыми предикторами эмиграционной активности. У казахстанской молодежи, наряду с низким уровнем эмоциональной привязанности к стране ($\beta=-0,48$, $p<0,001$), эмиграционное намерение оказалось связано с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами страны проживания ($\beta=0,14$, $p<0,05$). Для российских студентов

значимыми предикторами эмиграционных намерений выступили низкий уровень воспринимаемой безопасности в стране проживания ($\beta = -0,22$, $p < 0,001$) в сочетании с выраженной воспринимаемой поддержкой от значимых других за пределами России ($\beta = 0,20$, $p < 0,01$) и низкой эмоциональной привязанностью к своей стране ($\beta = -0,13$, $p < 0,05$) и месту проживания ($\beta = -0,18$, $p < 0,05$). Как показывают результаты исследования, пандемия COVID-19 не оказала влияния на эмиграционную активность молодежи трех стран: статистически значимых связей эмиграционного намерения со страхом перед COVID-19 и дистанцией с данным заболеванием в мультигрупповой модели у студентов трех стран не обнаружено.

Заключение

Выявлены общие и культурно-специфические связи между элементами социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи трех стран. Низкая удовлетворенность жизнью и слабая привязанность к стране проживания выступают в исследовании общекультурными предикторами эмиграционной активности. Ценностной основой эмиграционной активности у казахстанской молодежи является отход от традиционности в сочетании с поиском новизны и стремлением к достижениям. У белорусских студентов эмиграционные намерения связаны с нивелированием значимости традиционности. Общих ценностных оснований эмиграционной активности у молодых россиян не выявлено. Белорусская студенческая молодежь с выраженными эмиграционными намерениями демонстрирует также высокий уровень воспринимаемой дискриминации и низкую эмоциональную привязанность к родителям. Значимым фактором эмиграционной активности у казахстанских и российских студентов выступает уверенность в поддержке со стороны близких, проживающих за границей. И только для российских студентов характерна связь эмиграционных намерений с низким уровнем воспринимаемой безопасности в стране проживания и слабой эмоциональной привязанностью к месту проживания.

Литература

- Байков А. А.* и др. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Муращенкова Н. В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021а. Т. 12. № 1. С. 77–93.
- Муращенкова Н. В.* Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2021б. Т. 18. № 1. С. 25–41.
- Муращенкова Н. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н.* Авторская модель социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи // Еуразиялық психологиялық ғылым және практика: пәнаралық беталыстар.

Халықаралық ғыл.-тәжір. онлайн-конф. матер. жинағ. Өскемен: С. Аманжолов атындағы ШҚУ «Берел» баспасы, 2021 в. С. 30–36.

Муращенкова Н. В., Гриценко В. В., Ефременкова М. Н. Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран. Ч. 1. Введение в проблему // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 49–60.

Муращенкова Н. В. и др. Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 3. С. 113–123.

Руднев М., Магун В. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. 2011. № 4 (110). С. 81–96.

Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: Изд-во РГСУ–Академический проект, 2007.

Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.

Empirical verification of multi-group model of socio-psychological space of emigration intentions among students from Belarus, Kazakhstan and Russia

N. Murashcenkova

PhD in Psychology, associate professor, Faculty of Social Sciences, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ncel@yandex.ru

We tested two multigroup models of relationship between emigration intentions and their psychological predictors as elements of the corresponding socio-psychological space. The study involved students from three countries. We collected data in 2021 during the COVID-19 pandemic. Low life satisfaction and weak emotional attachment to the country are universal predictors of emigration activity among students from Belarus, Kazakhstan and Russia. The low level of perceived security in the country of residence and weak emotional attachment to the place of residence are cultural-specific predictors of emigration intentions among Russian student youth. We have not detected the impact of the pandemic on the emigration intentions of students from the three countries.

Keywords: planned emigration behavior, emigration intention, socio-psychological space of emigration intention, student youth, COVID-19 pandemic, multigroup analysis, cross-cultural analysis.